

УДК 316.344
ББК 60.524.4
Л 81

С.И. Лошкарева-Имгрунт,

кандидат социологических наук, соискатель кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: sveddy@mail.ru

Статусное неравенство как фактор дезинтеграции российского общества (Рецензирована)

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает актуальную для современной России тему статусного неравенства в российском социуме. Автор утверждает, что в современной России сложилась кланово-корпоративная система статусной иерархии, в которой социальный потенциал конкретного индивида определяется политическими позициями, занимаемыми им в обществе. Фактор статуса, по мнению автора, играет более значимую роль в современном российском обществе, нежели обладание материальной собственностью, что является отличительной характеристикой российской социальной системы.

Ключевые слова: социальный статус, стратификация, неравенство, клановость, корпоративизм.

S.I. Loshkareva-Imgrunt,

Candidate of Sociology, Applicant for Candidate's Degree of Sociology, Political Science and Law Department of the Institute for Retraining and Advanced Training of the Southern Federal University, Rostov -on-Don, e-mail: sveddy@mail.ru

Status of inequality as a factor in the disintegration of Russian society

Abstract. In this paper, the author explores the relevant theme of the status inequality in Russian society. The author asserts that a clan-corporate system of status hierarchy was formed in the modern Russia. The social potential of a particular individual here is determined by the political positions taken by him in the society. Factor of status, in author's opinion, plays an increasingly important role in contemporary Russian society, rather than the possession of material property that is a distinguishing characteristic of Russia's social system.

Keywords: social status, stratification, inequality, clan system, corporatism.

Одной из основных характеристик современного российского общества является высокий уровень статусного неравенства различных социальных групп и отдельных индивидов в рамках социума, сочетающийся с закрытостью общества, практически непроницаемыми барьерами между отдельными категориями населения страны. Данная социальная ситуация является след-

ствием той системы, которая выстраивалась в стране на протяжении последних десятилетий и основывается на заложенной еще в позднесоветский период отечественной истории статусной дифференциации общества.

Специфика современной системы статусного неравенства в России заключается в том, что если в Советском Союзе основой статусной поляризации

была принадлежность к коммунистической партии, то в современной Российской Федерации ее сменила причастность к бюрократическим корпорациям, которые фактически и представляют наиболее привилегированную социальную группу в государстве, пользуясь намного большими ресурсными возможностями, нежели представители всех остальных категорий населения, включая и бизнес.

В процессе исследования социального устройства российского общества можно провести аналогию с теми прецедентами общественных перемен, о которых известно из истории. Отметим, что проведение прямой аналогии не представляется возможным в связи с тем, что в разные временные периоды применялись принципиально иные идеологии и структуры. В частности, в послереволюционной России утвердилась коммунистическая идеология, что отразилось и на социальных практиках послереволюционного российского общества.

В социалистическом обществе декларируются жизненные стандарты, исключая стремление к потребительству, вне зависимости от того, что само по себе потребление играло немаловажную роль в быту советского человека, не исключая таких негативных элементов, как «черный рынок» и так называемый «блат», к которому прибегали в процессе поиска дефицитных товаров. Сам по себе дефицит оказался следствием определенных нарушений в системе плановой экономики. В сложившихся обстоятельствах наиболее значимым признаком, характеризующим степень социального неравенства, становится уровень получаемых доходов наряду со статусом индивида в системе социальных связей, способствующих получению тех или иных льгот и привилегий.

Здесь следует отметить, что в СССР существовала монополярная социальная система, основанная на относительном равенстве доходов различных групп населения, унификации образа жизни, тогда как в современной России произошел переход к биполярному обществу, в котором крайне чет-

ко существует разделение на богатых и бедных. При этом политические элиты функционируют, опираясь на поддержку как раз монополярного большинства, эксплуатируя его патерналистские ожидания и государственнические симпатии [1].

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, утверждению сословной стратификации в современном социуме способствовал триумф неолиберальной идеологии, который во второй половине XX в. привел в странах Запада к созданию кастовой иерархии, на вершину которой заняли места не только и не столько традиционные капиталистические собственники, сколько топ-менеджеры и высшие чиновники, т.е. представители бюрократической номенклатуры государства или крупнейших корпораций [2]. Политический потенциал, как и в советское время, по мнению Т.И. Заславской, остается важнейшим ресурсом, определяющим место человека в социальной иерархии [3].

Именно получаемые преференции наиболее достоверно иллюстрируют принадлежность к правящей политической и экономической элите, а значит, говорят об определенной близости к господствующей идеологии и предлагаемой властью системе норм и ценностей. В соответствии с данным контекстом можно с уверенностью констатировать, что в российском варианте смена социальных норм и ценностей в первую очередь заключается в развитой системе привилегий: царские привилегии после революции уступили место многочисленным социалистическим льготам, а им на смену, в свою очередь, пришли колоссальные возможности, присвоенные новой буржуазией.

Значительная часть россиян склонна копировать западные ценности, привлекательные прежде всего с точки зрения развитой потребительской культуры. Для этой прослойки возможность активного участия в потреблении представляется особенно престижной и привлекательной привилегией. Подобные клише, устойчиво ассоциирующиеся с капиталистическим образом жизни, массивно предлагаются

многочисленными средствами массовой информации, рекламой и кинематографом.

Социальный статус в современной России стал трактоваться сквозь призму шкалы неравенств, характерной для западного мира, но в то же время статусная дифференциация российского общества сохранила и определенную автохтонность [4]. Статусное неравенство в современной России усугубляется реальной закрытостью российского общества, отсутствием традиций «прозрачности» политических и социальных институтов, в том числе таких важнейших как административное управление, армия, полиция, суды и прокуратура, пенитенциарная система и даже система образования и здравоохранение. Каждый из указанных сегментов социума представляет собой достаточно закрытую корпорацию, причем внутри корпорации также существуют закрытые страты, проникновение в верхние страты практически невозможно без принадлежности к сформировавшимся корпоративным кланам [5].

Распад Советского Союза сопровождался тем, что в этот период представители различных социальных страт получили возможность доступа в ранее недостижимые для них структуры власти. Партийная номенклатура буквально растворилась в других социальных прослойках, но на самом деле никуда не исчезла. Во-первых, по-прежнему существуют посты и должности, тождественные номенклатурным, во-вторых, идет процесс генерации новых должностей, связанных с осуществлением властно-распорядительных задач. В-третьих, большую часть из них занимают бывшие советские партийные деятели, которые даже в условиях современной действительности в своей работе руководствуются советскими стандартами управления, сохраняя партийно-комсомольские деловые контакты и так называемую сословно-классовую идентификацию.

Динамика укрепления и развития вертикальной мобильности в обновленном обществе очень высока. В каче-

стве примера можно привести Россию петровских времен, СССР в 20-30-е годы XX века, перестроечную Россию 90-х гг. XX века. Однако в любом случае наступает стадия, когда темпы вертикальной мобильности существенно снижаются, поскольку все ниши оказываются заполненными. Новые капиталисты дистанцируются от основной массы населения, выстраивая сложно преодолимые социальные препятствия. Таким образом, доступ в элитные слои существенно ограничивается, они, по сути, герметизируются [6].

К. Поппер, в значительной степени способствовавший популяризации ставшего общепринятым противопоставления «открытое общество» — «закрытое общество», предлагает трактовать понятие «закрытого общества» как некое объединение, организованное по принципу коллективизма, в то время как «открытое общество» в представлении исследователя является в первую очередь группой, члены которой вправе принимать самостоятельные, т.е. индивидуальные решения. Практически все члены открытого общества прилагают усилия для повышения своего социального статуса, а значит, в процессе развития такого общества основным стимулом является «конкуренция за статус среди его членов» [7].

Внедряя понятие «открытого общества», Карл Поппер прежде всего представлял его как своеобразную антитезу тоталитарному обществу, для которого характерна максимальная степень закрытости. Он предположил, что открытым можно считать то общество, которое организывает свою жизнедеятельность по принципу «проб и ошибок», является мобильной, динамично развивающейся социальной структурой, восприимчиво к нововведениям, адекватной критике и поддерживает проявления индивидуализма [8]. Такой комплект характеристик безусловно предполагает высокую степень гражданской активности населения, так же, как залогом длительного существования тоталитарных режимов является молчание и пассивность большинства жителей страны.

Соответственно, «закрытое» общество дихотомично «открытому». Оно является его антиподом — индивидуализм подавляется, при этом выстраивается жесткая иерархическая система, где между различными стратами существуют четкие границы. Важнейшим результатом существования в России закрытости социальных институтов является теневилизация социальных отношений.

Любое общество, по мнению М.И. Ивановой, изначально несет в себе признаки, характерные для открытости и закрытости, а значит, имеет возможность выбора, по какому пути развиваться дальше [9]. То есть, обозначая его как открытое либо закрытое, мы прежде всего имеем в виду конечный результат, которого оно стремится достигнуть, следуя тенденциям, актуальным для него на данном этапе развития. Иными словами, уровень открытости/закрытости не является константной величиной, он трансформируется под воздействием самых различных факторов и условий.

Дискутируя на тему, какой тип общества следует считать первичным, мы склоняемся к версии, что изначально общество было дуалистическим. Любой социальный механизм имеет ресурсы для самозащиты, причем социальные системы других типов априори могут восприниматься как нечто чуждое, а значит, степень взаимодействия с ними будет в той или иной мере ограничена. При этом любое общество декларирует готовность к сохранению нравственных и духовных ценностей, единых для всего человечества. Эти обстоятельства лишь подчеркивают правомерность предположения, что изначально природа общества является дуалистической.

Теневилизация социальных отношений заметно сказывается на идентичности российского населения и выражается в следующем:

1. Повышается степень внутренней закрытости государства и общества. Здесь следует отметить, что в последнее время закрытость российского общества по отношению к другим государствам значительно ослабла, однако

по отношению к населению собственной страны, наоборот, заметно окрепла. Большинство современных россиян практически не имеют никакой информации о государственной деятельности, о проводимых реформах и чаще всего не проявляют никакого стремления получить эти знания. Проникновение теневых методик во все сферы жизни усугубляет инертность населения, которое в борьбе за выживание практически перестало интересоваться событиями окружающей среды.

2. Увеличивается дистанция между обществом и правящим классом. Это вполне объяснимо, поскольку массовый «уход в тень» формирует у населения устойчивое ощущение того, что они не в силах оказать заметное влияние на политическую и экономическую жизнь страны, у них нивелируется чувство сопричастности к событиям. Происходит деполитизация масс, которые, испытывая очевидное недоверие к деятельности структур государственной власти, естественным образом не стремятся поддерживать инициативы, предлагаемые правящей верхушкой.

Российское общество оказалось в зоне «придонья», где преобладает затяжная социальная депрессия, способная привести к катастрофическим последствиям. Происходит маргинализация представителей обедневших слоев общества, их дальнейшее вытеснение за рамки социума, идет процесс вовлечения людей в среду «социального дна» [10]. Преодоление негативных тенденций в социальной практике современной России во многом зависит от успеха модернизационных процессов, как в социально-экономической, так и в политической и социокультурной сферах жизнедеятельности российского общества.

Клановость и корпоративизм российского социума создают серьезные барьеры на пути вертикальной и даже горизонтальной социальной мобильности, препятствуют обновлению кадрового ресурса государственных структур. Социальная поляризация российского общества в рамках данной системы усугубляется не только

имущественной, но и статусно-ресурсной дифференциацией.

Соответственно, нарушается общегражданская идентичность российских граждан, поскольку вырабатывается достаточно четкое и обоснованное разделение по принципу кланово-корпоративной принадлежности, отсутствие которой препятствует полноценной реализации потенциала гражданина, минимизируя его шансы на проникновение в состав политико-экономической элиты российского общества. Государство в рамках данной системы становится инструментом реализации кланово-корпоративных интересов и опасность этой тенденции заключается в том, что у рядового гражданина, не интегрированного в сложные перипетии клановых отношений, теряется идентификация с государством.

Таким образом, представляются правомерными следующие выводы из сказанного: современное российское общество характеризуется высокой степенью закрытости в классическом попперовском понимании этого термина: фактическая герметизация элит выражается в дисфункциональности традиционных каналов восходящей социальной мобильности, исключающей на практике возможность статусного продвижения выходцев из любых внеэлитных социальных слоев. Ввиду того, что система распределения социальных статусов остается сословно-корпоративной и замкнутой, большинство граждан не воспринимают государство как аппарат, способный защищать их личные и социально-групповые интересы, в силу чего утрачивают идентификацию с государством, которая, в свою очередь, является необходимым условием формирования общегражданской идентичности. Отсутствие позитивной идентификации с государством облегчает для индивида выбор девиантных

и криминальных стратегий социального поведения, способствует развитию нигилистического отношения к закону и системе права в целом. В то же время в мировоззренческой сфере оно приводит к депатриотизации, отчуждению и гиперкритицизму по отношению к государству и его истории, неверию в возможность позитивных изменений.

Фактическая сословная закрытость общества, кроме того, является определяющим фактором взаимного отчуждения и враждебности слоев и страт, а также сложившихся неформально-теневых солидарностей, само существование и деятельность которых основаны на господстве частногрупповых интересов и целей и отсутствии идентификации с остальной частью населения. Теневые клановые группы, действующие непосредственно и осознанно в ущерб интересам общества, демонстрируют социально-деструктивную идентификацию.

Что касается социальных слоев и групп, оказавшихся в системе новой сословно-статусной иерархии ближе к «низу», то для социальной идентификации их членов эта ситуация тоже оказывается неблагоприятной и деструктивной, поскольку если элита рассматривает государство как свой «приватизированный» ресурс, то для депривированных в этом отношении групп государство выступает как отчужденный от них и, следовательно, бесполезный или даже потенциально опасный для них ресурс, могущий в определенных ситуациях быть использованным против них и их интересов. Отчужденность от государства, ассоциируемых с ним ценностей и возможностей сама по себе становится фактором развития социально-деструктивной психологии, проявляющейся либо в социальной и политической пассивности и пессимизме, либо в протестном экстремизме левого и правого толка.

Примечания:

1. Изменения социальной структуры российского общества и ее политические последствия: попытка прогноза / С.А. Белановский, М.Э. Дмитриев, С.Г. Мисихина, Т.Г. Омельчук // Мир России. 2012. №1.

2. Сухомлинов В. Новая аристократия? — комментируют эксперты Г. Цаголов и С. Кара-Мурза. URL: http://www.stoletie.ru/fakty_i_kommentarii/novaja_aristokratija_451.htm.

3. Заславская Т.И. Об изменении критериев социальной стратификации российского общества. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/066/645/1219/032.ZASLAVSKAIA.pdf>.
4. Хельшер Б., Диттрих Р. Россия идет на Запад: анализ российской социальной структуры — взгляд из Германии. URL: http://russia.yaxy.ru/rus_history/103.htm.
5. Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. №11.
6. Посухова О.Ю. Семейный капитал как фактор профессиональной мобильности на Юге России // Социально-гуманитарные знания. 2013. №11.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
8. Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М., 1997.
9. Иванова М.И. Открытое и закрытое общество в фокусе синергетического подхода. URL: <http://jurnal.org/articles/2008/filos10.html>.
10. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., 2013.

References:

1. Changes in social structure of the Russian society and its political consequences: a prognosis attempt / S.A. Belanovsky, M.E. Dmitriyev, S.G. Misikhina, T.G. Omelchuk // The world of Russia. 2012 . No. 1.
2. Sukhomlinov V. New aristocracy? — experts G. Tsagolov and S. Kara-Murza make comments. URL: http://www.stoletie.ru/fakty_i_kommentarii/novaja_aristokratija_451.htm.
3. Zaslavskaya T.I. On the change of criteria of social stratification of the Russian society. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/066/645/1219/032.ZASLAVSKAIA.pdf>.
4. Helsher B., Dittrich R. Russia goes west: the analysis of the Russian social structure — a look from Germany. URL: http://russia.yaxy.ru/rus_history/103.htm.
5. Posukhova O.Yu. Professional dynasty as result of family strategy: inertia or continuity? // Vlast. 2013. No. 11.
6. Posukhova O.Yu. The family capital as a factor of professional mobility in the south of Russia // Social and humanitarian knowledge. 2013. No. 11.
7. Popper K. Open society and its enemies. M., 1992.
8. Soros G. New view on the open society. M., 1997.
9. Ivanova M.I. The open and closed society in focus of synergetic approach. URL: <http://jurnal.org/articles/2008/filos10.html>.
10. Kara-Murza S.G. Anomie in Russia: causes and manifestations. M., 2013.